

Котлова Злата Владимировна

**РОБЕРТ БЕЛЛА ОБ АНАЛОГАХ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭТИКИ В РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЯХ
ЯПОНИИ ЭПОХИ ТОКУГАВА**

В статье рассматривается концепция Р. Белла о функциональном сходстве между протестантской этикой и японской трудовой этикой в том виде, в каком она была представлена в религиозных учениях Японии периода Токугава. Анализируются специфические черты японской трудовой этики, выводящие на аналогию с протестантской этикой. Особое внимание уделяется анализу того, насколько распространены и влиятельны были выбранные Р. Белла религиозные школы в рассматриваемую эпоху, с целью определения объективности подхода автора, а также оценке его концепции другими авторами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/29.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 116-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 241

Философские науки

В статье рассматривается концепция Р. Белла о функциональном сходстве между протестантской этикой и японской трудовой этикой в том виде, в каком она была представлена в религиозных учениях Японии периода Токугава. Анализируются специфические черты японской трудовой этики, выводящие на аналогию с протестантской этикой. Особое внимание уделяется анализу того, насколько распространены и влиятельны были выбранные Р. Белла религиозные школы в рассматриваемую эпоху, с целью определения объективности подхода автора, а также оценке его концепции другими авторами.

Ключевые слова и фразы: японская трудовая этика; протестантская этика; формирование трудовой этики; М. Вебер; эпоха Токугава; религии Японии.

Котлова Злата Владимировна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
zlata.kotlova@mail.ru

**РОБЕРТ БЕЛЛА ОБ АНАЛОГАХ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭТИКИ
В РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЯХ ЯПОНИИ ЭПОХИ ТОКУГАВА[©]**

Из всех не западных стран Япония существенно быстрее прочих смогла перенять из западной культуры все необходимое для своего преобразования в современное индустриальное государство. Исследователи Японии все больше приходят к мнению, что успех следует относить не к какой-то мифической способности японцев к подражанию, а к определенным фундаментальным факторам японской культуры, которые значительно старше «современности». Среди ведущих кандидатов на роль такого рода факторов – специфическая трудовая этика, во многом ответственная за повышенное внимание к хозяйственно-экономической подсистеме общества и сходство траектории развития экономической организации японского общества с аналогичной траекторией западно-европейской культуры [4; 9; 12].

Отмеченное типологическое сходство, позволяющее говорить об относительной «естественности» западно-европейской экономической системы для Японии и тем самым о легкости заимствования ее достижений, подталкивает исследователей к поиску фундаментальных аналогий в культурных системах Японии и Западного мира. Одной из таких аналогий является попытка проинтерпретировать хозяйственную этику Японии как аналог «протестантской этики» в том смысле и с той функциональной нагрузкой, какие этому понятию придал М. Вебер. Такое прочтение японской этической культуры, впервые предложенное Р. Белла, позволяет по-новому взглянуть сразу на несколько фундаментальных проблем из области хозяйственной этики, компаративистских исследований в сфере наук о культуре, а также истории Японии.

Роберт Белла (1927-2013 гг.) – американский социолог XX века, специалист по сравнительной социологии религии. В 1950 году закончил Гарвардский университет, в 1955 получил степень доктора, с 1957 года начал преподавать в Гарварде, а с 1967 года – в Университете Калифорнии в Беркли в должности профессора по социологии. Роберт Белла был учеником и другом Толкотта Парсонса. Р. Белла начал свою научную работу в качестве исследователя Японии; «Религия Токугава» и более поздняя его работа «Воображая Японию» посвящены истокам культурных особенностей японского общества и их связи с современным развитием этого общества. Роберт Белла также известен как автор концепции «гражданской религии», разработанной им в 60-е годы XX века.

В своей книге «Религия Токугава» Белла попытался проинтерпретировать определенные компоненты японской религии в том смысле, что они сыграли такую же роль в развитии капитализма в Японии, как и протестантская этика в его развитии на Западе. Сам автор следующим образом сформулировал проблему своего исследования: «существовали ли функциональные аналоги протестантской этики в японской религии?» [12, р. 2]. И ответ на этот вопрос он дает положительный.

Согласно реконструкции Р. Белла в системе религиозной этики японской культуры эпохи Токугава присутствует императив активного морального действия – религиозно-этическая практика приобретает характер активного социального действия. Свое основание эта активность находит в представлениях о Божественном.

Р. Белла выделяет две базовые концепции Божественного. Первая под Божественным подразумевает сверхъестественное существо или же бытие, которое одаривает опекой, заботой и любовью. Иллюстрацией первой концепции божественного могут послужить конфуцианские Небеса и Земля, будда Амида и другие будды, синтоистские божества, а также местные покровительствующие божества и предки. Это же представление распространяется на вышестоящих по социальной лестнице и родителей.

Вторая концепция подразумевает трактовку божественного как основания бытия, внутренней сущности реальности. Примером такого толкования божественного служат китайское «тао», неоконфуцианское «ли», буддийская концепция природы Будды.

Эти концепции являются взаимодополняющими – обе можно найти почти в каждой секте. Каждой из них соответствует свой тип религиозного действия.

Первый тип религиозного действия связан с теорией «он», суть которой состоит в представлении о том, что человек постоянно получает благодетия от божеств и эти благодетия надлежит возвращать. Благодетия –

это *он*, а их возвращение – *хо:он*, религиозные действия – это типы *хо:он*. Наша жизнь – одно длинное выражение благодарности, и, как следствие, жизнь приобретает характер службы Божественному, а также вышестоящим по социальной лестнице и родителям. Посвящая себя возвращению благодеяний, человек обеспечивает себе продолжение потока благодеяний со стороны Божественного. Однако полное возвращение своего долга является невозможным, так как человек может вернуть только бесконечно малое количество благодеяний. И в этом смысле долг по отношению к вышестоящим в социальной системе по своему характеру совпадает с долгом перед Божественным и приобретает сакральный характер, становясь аналогом *хо:он*.

Второй тип религиозного действия – это практики, ориентированные на единение с Божественным. Здесь выделяются, с одной стороны, группа действий, направленная на деперсонализацию, растворение в Божественном (например, медитация, дыхательные техники), а с другой стороны – социально-активные практики, направленные на уничтожение эгоизма и единение с Божественным через моральные действия. Первая группа действий имела ограниченное влияние и была распространена среди высших сословий (самураев и священнослужителей), в то время как вторая имела сравнительно широкое влияние и была близко связана с первым типом религиозного действия и концепцией *он*.

Сам Р. Белла следующим образом характеризует религиозное действие: «Религиозное действие, будь то *хо:он* или задача личного просветления, принимало, в первую очередь, форму выполнения своих обязанностей в мире. Ритуал, молитва или медитация – все они занимали второе место по отношению к первостепенным этическим обязанностям» [Ibidem, p. 73]. Таким образом, оба главных типа религиозного действия призывают к энергичной, социально ориентированной деятельности в этом мире.

Каким же образом данные представления реализуются в конкретных религиозных школах эпохи Токугава? В рассматриваемый период на территории Японии существовало три основные религии: синтоизм, буддизм и конфуцианство, а также множество сект, относящихся к какой-либо из этих религий или представляющих собой их смешение. Происходило активное заимствование между религиями [6; 7]. Однако подавляющее большинство религиозных течений разделяло и проповедовало схожие этические максимы: они все подчеркивали преданность и сыновнюю почтительность, подчинение и справедливость, экономию и усердие, все требовали самозабвенной преданности по отношению к вышестоящим на социальной лестнице, минимум личного потребления и энергичное выполнение ежедневных обязанностей. Этот тезис может быть проиллюстрирован конкретными примерами из различных религиозных движений Японии эпохи Токугава.

Дзёдо Синсю – школа японского буддизма, основанная Синраном в эпоху Камакура (1185-1333), представляет течение «амидаизм». Реннё Сёнин (1415-1499), так называемый второй основатель этой секты, поставил этические требования на очень важное место в мысли Син. К середине эпохи Токугава спасение и религиозное действие стали неразрывно связаны. Этическое действие стало четким знаком спасения. «Если человек, желающий возродиться в Чистой Земле, осмеливается совершать религиозные злые дела, это не только неприемлемо, но и раскрывается его собственный недостаток веры» [12, p. 118]. Усердная работа в рамках своего занятия стала занимать центральное место среди всех требуемых этических обязательств. Так, священник Син учил, что «каждый должен рассматривать свою семейную профессию в качестве наивысшего смысла, тогда они будут названы хорошими поселенцами Чистой Земли» [Ibidem]. Религия лучше всего выражается через работу в этом мире, главным образом в рамках своей профессии.

Следующее религиозное направление, рассматриваемое Белла в его работе, движение Хотоку, было основано Ниномией Сонтoku (1787-1856), крестьянином, который задумал его как свой долг поднять уровень нравственности крестьян и в то же время улучшить их экономическое производство. Он заимствовал свои идеи у конфуцианства, синтоизма и буддизма, объединив их в практическое и простое учение. Хотоку, по существу, означает то же, что и *хо:он*, т.е. возвращение благодеяний: «Все, кто в соответствии со своим небесным даром (способностями), живет по средствам, трудолюбиво и экономно, сохраняя избыток денег как капитал для восстановления и развития заброшенных производств и земель, платя по долгам, спасая бедных, помогая деревням и провинциям... возвращают благодеяния, полученные от небес, земли и человека» [Ibidem, p. 127]. Из этой цитаты возникает ощущение, что спасение в религиозном смысле и экономическое процветание концептуально слиты воедино. Ниномия Сонтoku придерживался мысли, что именно упорный труд составляет содержание Пути человека. Труд для него является одним из основных сущностных признаков человека. Бережливость также была одной из основных добродетелей, проповедуемых учением Хотоку: «Как бы человек ни был богат и знаменит, он должен сделать законом своего дома экономию, а роскошь должна быть категорически запрещена. Расточительность есть источник безнравственности и основа разорения» [Ibidem, p. 147]. «Работай много, зарабатывай много и трать мало» [Ibidem, p. 185], – учит основатель Хотоку.

Еще одним ярким примером учения, проповедовавшего бережливость и усердный труд в рамках своего занятия, может послужить течение Сингаку. Его основатель Исида Байган (1685-1744) в начале своего пути придерживался синтоизма, однако конфуцианство также имело большее влияние на его учение. Центральное место в учении Байгана занимает концепция *сакумон*. Путь *сакумон* представляет собой поиск потерянного сердца. Чтобы понять сердце и природу, человек должен избавиться от того, что затемняет истинное сердце (тождественное сердцу неба и земли) – человеческое или эгоистическое сердце, содержащее человеческие желания, постоянно возбуждаемые внешними вещами. Есть несколько способов сделать это, такие как медитация и практика аскетизма, однако Байган не бросался в крайности в этой сфере: аскетизм, отстаиваемый Байганом, легко смешивался с практической бережливостью и усиливал ее. Что касается практики медитации, хотя она может показаться уходом от этого мира, Байган не придавал ей такого значения: он сам продолжал жить в обществе, активно занимаясь мирскими делами, и ожидал того же от своих учеников.

Наконец, эгоистичное сердце можно было устранить путем преданного исполнения своих обязанностей и усердной работы в рамках своего занятия. Таким образом, религиозная погоня за устранением эгоистичного сердца и достижением истинного сердца служила для усиления преданности, сыновней почтительности и приверженности усердной работе в своем призвании. Сам Исида Байган пишет: «Что касается пути *гакумон*, сначала ведай себя благоразумно, служи своему господину с добродетельностью и служи своим родителям с любовью... Поддерживай экономность в отношении таких вещей, как одежда, мебель и тому подобное, и не ищи изысканности. Не пренебрегай семейным делом, а что касается богатства, измеряй то, что приходит, и будь внимателен к тому, что уходит... Таков путь *гакумон*» [Ibidem, p. 149].

Таким образом, мы видим, что данное учение носит характер «посюстороннего мистицизма»: ежедневная практика экономии и бережливости и приверженность упорному труду не были чужды религиозной жизни, они, скорее, помогали достигнуть просветления. Сингаку – наглядный пример второго типа религиозного действия.

Секта Дзен также очень высоко ценила спартанскую простоту и бережливость и, что еще более интересно, продуктивный труд. Первое правило монашеской жизни секты Дзен: «День без работы – это день без еды» [20, p. 23]. «Дзенские мастера... всегда страстно желают увидеть своих монахов упорно трудящихся на фермах, в лесу или в горах» [12, p. 107], – пишет Роберт Белла, цитируя известного японского буддолога Д. Т. Судзуки. Работа является священной, потому что она рассматривается, по крайней мере частично, как воздаяние за полученные благодеяния. «...Почитание природы вместе с идеей, что человек не должен есть своей еды, пока не выполнит что-то для общества, которому он принадлежит, составляет фундамент дзенской жизни (пути Дзен)» [20, p. 108], – пишет Д. Т. Судзуки.

Дзенская этика легла в основу бусидо (дословно: путь воина) – кодекса чести самурайского класса. В бусидо прослеживается связь не только с Дзен-буддизмом, но и с неоконфуцианством (выполнение долга и обязанностей в повседневной жизни). Самозабвенная преданность и сыновняя почтительность рассматриваются данным учением в качестве высшего долга самурайской жизни, также подчеркивается важность ограниченного, почти аскетичного образа жизни. Усердие и экономия были важными составными частями бусидо. Основная мотивация к ним лежит в их связи с самозабвенной преданностью на службе у господина.

Согласно Веберу, одним из ключевых компонентов протестантской этики с точки зрения формирования капиталистической культуры является требование активного социального служения в рамках своего призвания в сочетании с бережливостью и аскетизмом, что мы и видим на примере японских религий [3, с. 124, 125].

Насколько объективным был Р. Белла, выбирая примеры для подтверждения выдвинутой им аналогии, можно судить, опираясь на данные, свидетельствующие о распространенности тех или иных религиозных движений в рассматриваемый период.

Есть свидетельства в пользу того, что учение Сингаку действительно было широко распространено в Японии в эпоху Токугава. Так, Л. Б. Карелова пишет, что Сингаку «вылилось в своего рода просветительское движение, организовавшее по всей Японии систему учебных заведений для широких слоев населения» [4, с. 63]. Она же отмечает, что в наши дни идеи Исиды Байгана нашли преемников среди таких крупных предпринимателей, как, например, Котани Рюити – почетный президент компании «Исэто» и Инамори Кадзуо – почетный президент компании «Киёсэра» [Там же, с. 64]. Тем не менее Карелова пишет, что «в учении Исиды Байгана... собственно религиозный мотив трудовой деятельности, связанный с трактовкой исполнения повседневных обязанностей как своего рода “аскезы”, ведущей к достижению просветления, хотя и присутствовал в какой-то мере, в то же время далеко не являлся решающим» [Там же, с. 78]. Несмотря на это, Карелова признает значительную роль учения Сингаку в становлении японской трудовой этики.

Джеймс Мак-Клейн в своей книге, посвященной истории Японии от эпохи Токугава до современности, также отмечает, что учение Исиды Байгана внесло «немалый вклад в создание этических норм, приписывавших горожанам различные добродетели» [7, с. 139].

Широкая же распространенность этики бусидо не вызывает никаких сомнений, подтверждение этому можно найти и у Л. Б. Кареловой, и в литературе, посвященной истории Японии [7; 8].

Относительно влияния движения Хотоку мы позволим себе привести цитату уже упоминаемого нами исследователя формирования японской трудовой этики Л. Б. Кареловой: «С 1894 по 1944 г. на территории каждой средней школы в Японии была установлена бронзовая статуя крестьянского мальчика с книжкой, несущего за спиной вязанку хвороста, – Ниномии Сонтоку в юные годы. Его портрет был помещен в школьных учебниках рядом с портретом просвещенного императора Мэйдзи» [4, с. 137]. Это свидетельствует в пользу того, что основатель движения Хотоку оставался примером трудолюбия и стремления к знаниям еще многие годы после своей смерти. О значимости этого движения пишет также Джеймс Мак-Клейн [7, с. 139].

Что касается школы Дзёдо Синсю, то Дж. Китагава отмечает увеличение численности ее приверженцев в эпоху Токугава [6, с. 225], в то время как в книге, посвященной развитию буддизма в Японии, она и вовсе описывается как «самая популярная и многочисленная» [2, с. 294].

Обзор литературы по истории и культуре Японии позволяет сделать вывод об объективности взглядов Р. Белла, однако данная проблематика все еще требует дальнейшего более подробного изучения.

В целом по поводу поисков аналогии между протестантской этикой и японской трудовой этикой уместно будет процитировать Л. Б. Карелову: «Поиски религиозно-этических корней японского трудолюбия на основе веберовской концепции протестантской этики хоть и снискали большую популярность, все же многие исследователи склоняются к тому, что религиозная мотивация труда в Японии была далеко не единственной и не решающей» [5, с. 117]. Что касается оценки Л. Б. Кареловой непосредственной работы Р. Белла, она пишет, что он «убедительно доказал существование в Японии эпохи Токугава (1603–1868) аналогов протестантской этики» [4, с. 4].

Другой известный японовед, культуролог и религиовед Н. Н. Трубникова таким образом формулирует вывод по рассматриваемой нами тематике: «Дать... общий ответ на вопрос, был ли в японском буддизме свой “буддийский протестантизм”, мне кажется невозможным» [9, с. 518]. Здесь стоит принять во внимание, что при изучении данного вопроса рассматривался исключительно буддизм, а не все религии, представленные в Японии.

По мысли Роберта Белла, у нас существует функциональная аналогия между протестантской этикой и трудовой этикой в японской религии эпохи Токугава, она может быть проиллюстрирована следующим образом: в основе религиозных ценностей японской культуры содержатся основания для активной социальной этики. Подобное представление выводится из характера отношений между человеком и божественным. Из этого представления, в свою очередь, вытекает требование о социальном служении, которое рассматривается как воздаяние за полученные блага от божеств и вышестоящих в социальной системе. Отношения эти принципиально долговые: человек никогда не сможет отплатить за полученные благодеяния. Эта базовая система религиозной этики уже сама по себе подталкивает к активной социальной позиции, выступает средством организации социальных отношений (нижестоящие и вышестоящие).

Как отмечает в заключении своей работы сам Р. Белла, «обязательства упорно самоотверженно трудиться и сдерживать свои желания потребления тесно связаны с обязательствами перед священными и полусвященными вышестоящими, которые так подчеркнуты в японской религии. Японская религия никогда не устает подчеркивать важность усердия и бережливости и приписывания им религиозного значения как посредством выполнения своих обязательств перед священным, так и посредством очищения себя от злых импульсов и желаний. То, что такая этика серьезно способствовала экономической рационализации, было основной мыслью веберовского исследования протестантизма, и мы должны сказать, что она также способствовала этому и в Японии» [12, р. 195, 196].

Таким образом, религия сыграла важную роль в процессе экономической рационализации в Японии через сохранение и усиление приверженности центральным ценностям (преданности и сыновней почитательности), усиление этического посюстороннего аскетизма, который делал акцент на усердии и экономии.

Список литературы

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.
2. Буддизм в Японии / отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 704 с.
3. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
4. Карелова Л. Б. У истоков японской трудовой этики: история в портретах. М.: Вост. лит., 2007. 231 с.
5. Карелова Л. Б. Учение Иисуса Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М.: Вост. лит., 2007. 318 с.
6. Китагава Дж. М. Религия в истории Японии / пер. с англ. Н. М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2005. 588 с.
7. Мак-Клейн Дж. Л. Япония: от сёгуната Токугава – в XXI век / пер. с англ. Е. А. Красулина. М.: АСТ; Астрель, 2011. 895 с.
8. Маса Ф., Маса М. Япония эпохи Эдо / пер. с фр. А. Н. Степанова. М.: Вече, 2013. 384 с.
9. Трубникова Н. Н. Вопрос о «старом и новом буддизме эпохи Камакура» в религиозно-исторических исследованиях // Философия религии: альманах 2010-2011. М., 2011. С. 515-534.
10. Хани Горо. Японская империя: история страны самураев. М.: Алгоритм, 2014. 288 с.
11. Armstrong R. C. Just before the Dawn: the Life and Works of Ninomiya Sontoku. N. Y.: The Macmillan Company, 1912. 336 p.
12. Bellah R. N. Tokugawa Religion. The Values of Pre-Industrial Japan. Glencoe, Ill.: Free Press, 1957. 249 p.
13. Francks P. Japanese Economic Development: Theory and Practice. N. Y.: Routledge, 1992. 318 p.
14. Hirschmeier J., Tsunehiko Yui. The Development of Japanese Business 1600-1973. N. Y.: Routledge, 2006. 340 p.
15. Kitagawa J. M. On Understanding Japanese Religion. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1987. 343 p.
16. Makihara B. M. Social Values in Capitalist Development: A Case Study in Japan: Honors Thesis. Harvard: Harvard University Press, 1954. 105 p.
17. Morishima M. Why Has Japan “Succeeded”? Western Technology and the Japanese Ethos. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 209 p.
18. Nakamura H. Buddhism in Comparative Light. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2010. 182 p.
19. Roberts L. S. Mercantilism in a Japanese Domain: The Merchant Origin of Economic Nationalism in 18th-century Tosa. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 251 p.
20. Suzuki D. T. The Training of the Zen Buddhist Monk. N. Y.: Cosimo Classics, 2007. 180 p.
21. Tawny R. H. Religion and the Rise of Capitalism: A Historical Study. L.: Hazell, Watson & Viney, Ltd., 1926. 339 p.

ROBERT BELLAH ON THE ANALOGUES OF PROTESTANT ETHICS IN THE RELIGIOUS TEACHINGS OF JAPAN OF TOKUGAWA PERIOD

Kotlova Zlata Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University
zlata.kotlova@mail.ru

The article deals with R. Bellah's conception on the functional similarity between Protestant ethics and Japanese work ethics as it was presented in the religious teachings of Japan of Tokugawa period. The specific features of Japanese work ethics that lead to the analogy with Protestant ethics are analyzed. Special attention is paid to the analysis of how widespread and influential the selected by R. Bellah religious schools were in the considered period in order to identify the objectivity of the author's approach and to the evaluation of his conception by other authors.

Key words and phrases: Japanese work ethics; Protestant ethics; formation of work ethics; M. Weber; Tokugawa period; religions of Japan.